

Виктория
Александр

Список
женщюв

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А46

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Victoria Alexander

THE HUSBAND LIST

Перевод с английского *Л. И. Лебедевой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
представленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Александр, Виктория.

А46 Список женихов : роман / Виктория Александр ; [пер. с англ. Л. И. Лебедевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-083835-6

Молодой красавице вдове, вынужденной вступить в новый брак, чтобы получить огромное наследство, совсем не хочется выходить замуж по-настоящему. Не лучше ли выбрать супруга фиктивного из целого списка лондонских аристократов?

Но «идеальный кандидат» вовсе не намерен довольствоваться иллюзией брака с женщиной, о которой мечтает день и ночь. Сможет ли она противостоять властной силе его неподдельной страсти?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Cheryl Griffin, 2000
© Перевод. Л.И. Лебедева, 2002
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-083835-6

Список возможных женихов

(составлен лордом Уэстоном и лордом Каммингсом и дополнен примечаниями леди Джиллиан Марли)

Граф Шелбрук — почти красив, но вполне порядочен

Виконт Рейнолдс — неисправимый игрок и, что самое худшее, неудачливый

Маркиз Данстейбл — достаточно приятен, но, имея девятирех детей, больше нуждается в гувернантке, чем в жене

Лорд Тайндейл — весьма красноречив при очень малом количестве зубов

Барон Рейт — очаровательный джентльмен, однако прожитые годы оставили на нем неизгладимый след

Лорд Клевис — отличный танцор, вопреки избытку веса, от которого сотрясаются стены любого дома, едва он ступит в него ногой

Лорд Ранли — элегантен на вид, но ума не больше, чем у барана

Лорд Харкин — маленький, лысый и даже не догадывается о своем сходстве с облезлым кроликом

Глава 1

Весна, 1818 год

Куда же подевался этот человек?

Леди Джиллиан Марли подавила желание ринуться к входной двери, распахнуть ее и пуститься на его поиски по улицам Лондона.

Что, если он вообще не придет?

При мысли об этом у леди Джиллиан даже слегка заныл затылок, но она не допустила, чтобы ее хорошо отработанная приветливая улыбка превратилась в гримасу. Наоборот, она двинулась по комнате с безмятежным видом, уверенная в себе, как и полагается хозяйке светского салона, которой приходится решать нелегкую задачу — как превратить людей с совершенно различными интересами в единое сообщество.

Нынешним вечером у нее в гостиной собралось человек двадцать. В одном углу несколько членов парламента дружески обсуждали какую-то туманную проблему законотворчества, в другом — гости разбирали по косточкам новейшее произведение восходящего светила поэзии, а у стены, увешанной картина-

ми, любители живописи обменивались мнениями о недавней выставке.

Искусство Джиллиан как хозяйки дома в таких случаях было непревзойденным, а репутация мастерицы устраивать подобные вечера — несравненной. Сегодня она, как всегда, являла собой воплощение гостеприимства, самообладания и понимания.

Ни один из гостей не заподозрил бы, что каждый ее нерв натянут как струна, даже самый зоркий наблюдатель не мог бы себе представить, какая тяжесть лежит у нее на сердце и что ей приходится до предела напрягать всю силу воли, чтобы не впасть в отчаяние.

Где же Шелбрук?

Джиллиан снова бросила взгляд на дверь, что проделывала каждые пять минут с того самого времени, как начали собираться гости. Он должен был появиться еще полчаса назад. Разумеется, нет ничего необыкновенного в том, что кто-то из приглашенных запаздывает, но сегодня единственный гость, которого Джиллиан хотела видеть, единственный, чей визит был для нее важен, до сих пор не переступил порог ее гостиной.

Вряд ли Шелбрук переменял намерение. На ее приглашение он откликнулся короткой запиской, безусловно, принимая его, и было бы непростительно с его стороны изменить своему слову. Разве может джентльмен быть столь невоспитанным? Неужели он не знает правил приличия? Ей, пожалуй, не доводилось сталкиваться с кем-либо настолько неучтивым, кто мог бы, приняв приглашение и не приехав, не прислать как минимум извинительное письмо, которое, бесспорно, послужило бы оправданием.

Однако ее недовольство не произведет желаемого эффекта на Шелбрука, поскольку тот ничего не знает о ее намерениях. Джиллиан отправила неприятные мысли и сопровождающие их вспышки раздражения в глубину сознания и переключила внимание на гостей. Она с должной обязательностью переходила от группы к группе, роняя замечание то тут, то там. В другой вечер она с удовольствием приняла бы участие в какой-нибудь из дискуссий, но сегодня совершенно не могла сосредоточиться. Задержавшись возле нескольких человек, собравшихся у новой картины, присланной ее братом Томасом, она вполуха прислушалась.

— ...но, сэра Эдмонд, вы же не считаете, что произведение искусства полностью лишено достоинств, если не содержит изображения человеческих фигур?

Сэр Эдмонд, коллекционер, известный скорее экстравагантностью суждений, нежели тонким вкусом, самоуверенно возразил говорившему, довольно известному критику:

— Согласитесь, мистер Аддисон, что если на полотне отсутствует человеческая натура, то перед нами не более чем красивая картинка. Вот почему великое искусство изображает именно людей в значительные моменты истории.

— А разве есть что-то дурное в просто красивой картине? — послышался у Джиллиан за спиной полный иронии голос.

Она резко обернулась. Ричард Шелтон, граф Шелбрук, стоял, заложив руки за спину, и сосредоточенно и вдумчиво рассматривал картину. Сердце у Джиллиан так и подпрыгнуло.

Перед ней был человек, последние дни владевший ее мыслями. Она никогда не стояла рядом с ним на таком близком расстоянии. Он по меньшей мере на шесть дюймов выше ее, темные брови сдвинуты. Волосы темно-каштановые, кудрявые, непослушные и немного длинноваты, словно Шелбрук забыл подстричься или не придавал этому значения. Быть может, ему не по карману камердинер?

Сэр Эдмонд прищурился, как будто поверить не мог, что какой-то незнакомец, только что появившийся в гостиной, осмеливается оспаривать его мнение.

— Живопись вне человеческого аспекта лишена чувства. В ней нет души.

— Чепуха! — раздраженно фыркнул мистер Аддисон. — Как вы можете смотреть на этот пейзаж и утверждать, что в нем нет души? Ведь мы почти ощущаем свежий запах травы и веяние ветра, который гонит облака по небу.

— Мне кажется, что живопись выражает не душу человека, но душу Бога, — негромко заметил лорд Шелбрук.

— Душу Бога? — Сэр Эдмонд побагровел. — Какое богохульство...

— Какая пронизательность! — со смехом перебил его мистер Аддисон. — Простите, но мы, кажется, незнакомы.

— Я только недавно приехал. — Шелбрук обратился к Джиллиан и взял ее руку в свою. — Прошу прощения, леди Джиллиан, за возмутительное опоздание.

Глядя ей прямо в глаза, он поднес ее руку к губам.

Глаза у него были темно-карие, глубокие, завораживающие и впечатляющие; неожиданная мысль про-

мелькнула в голове Джиллиан: а видит ли он душу в ее взгляде, как увидел в картине? Прикосновение его губ было неожиданно теплым и интимным даже здесь, в полной гостей комнате, и странная дрожь пробежала у нее по спине. Она подавила желание рывком высвободить руку, но зато сумела придать своему тону подобающую холодность:

— Вы опоздали, милорд? Я и не заметила!

— В таком случае я приберегу свои извинения до более значительного проступка.

Он отпустил ее руку и выпрямился. Смешливая искорка промелькнула в глазах Шелбрука, но он не улыбнулся. Джиллиан приподняла брови.

— А вы собираетесь совершить и более значительные проступки?

— У меня нет заранее обдуманных намерений на этот счет, миледи.

Шелбрук кивнул и отвернулся от нее, чтобы представиться мистеру Аддисону и прочим участникам спора. Дебаты о достоинствах картины тотчас возобновились, и Джиллиан с досадой ощутила, что ее обществом пренебрегли. Что ж, ее первое впечатление оказалось верным — этот человек определенно невежлив. Впрочем, она была вынуждена признать, что поспешное возвращение Шелбрука к дискуссии о живописи избавило ее от разговора с ним одним, тем более что в данную минуту она не только не знала, что сказать, но даже с чего начать.

Джиллиан пробормотала какую-то более или менее подходящую фразу и удалилась, предпочитая понаблюдать за Шелбруком с безопасного расстояния. Безобидное прикосновение его руки произвело на нее поразительное

тельное действие. Но это ведь полный абсурд. Их знакомство — если это можно назвать знакомством — носило мимолетный характер — случайный танец во время ее первого, и единственного, светского сезона несколько лет назад. Ее сегодняшняя реакция скорее всего связана с душевной неуравновешенностью по поводу того, что она задумала.

Как он отнесется к ее предложению и к тому, что из него следует? При этой мысли у Джиллиан заняло под ложечкой.

Целый час или около того она следила за тем, как Шелбрук вступает то в один разговор, то в другой. Как она и предполагала, он был весьма умен. Его хорошо аргументированные суждения неизменно оказывались уместными. Он держался в равной степени уверенно, шла ли речь о литературе, политике или искусстве. Ничего не скажешь, граф Ричард производил сильное впечатление! Но даже когда его замечания были остроумными и вызывали смех, сам Шелбрук оставался невозмутим. Джиллиан почему-то более всего удивляло, что Шелбрук главным образом сосредоточен на эмоциях окружающих, а не на том, чтобы обнаружить собственные чувства.

— Я должна признать, леди Джиллиан, — заговорила леди Форестер, присоединяясь к ней у стола с освежающими напитками и закуской, — что лорд Шелбрук весьма интригующая личность.

— Вы так думаете? — рассеянно отозвалась Джиллиан.

— Да. Он восхитительно загадочен!

— Загадочен?

— Разумеется. — Леди Форестер обмахнулась веером. — Он вовсе не прочь высказать свое мнение по разным поводам, но никогда не говорит о себе.

— А зачем ему это делать? — Джиллиан бросила быстрый, но внимательный взгляд на высокую фигуру Шелбрука. — В Лондоне очень мало нераскрытых тайн. Обстоятельства его жизни общеизвестны. Отец Шелбрука промотал состояние семьи, и после его смерти сыну пришлось потратить многие годы, чтобы восстановить потерянное.

— Я считаю, что его скрытность объясняется печальным состоянием его финансовых дел. Такие привлекательные мужчины, как граф, обычно не стараются избегать внимания общества, а этот даже никогда не улыбнется! Я частенько видела его на светских приемах, но он не задерживается на них дольше, чем требуют приличия, и ведет себя так, будто он посторонний наблюдатель. — В глазах леди Форестер вспыхнуло любопытство. — Однако я еще ни разу не видела его на ваших вечерах. Почему вы его пригласили?

Джиллиан небрежно пожала плечами.

— Мне нравится собирать у себя разных людей, и кто-то — не помню кто — сказал, что граф может быть интересным дополнением к обществу.

— Да, у вас я всегда встречала людей очень своеобразных. — Леди Форестер, в свою очередь, посмотрела на Шелбрука. — Если память мне не изменяет, Шелбрук при жизни отца время от времени только пошаливал. Ну а тот уже был настоящим негодником! Какая жалость, что сын не нуждается в покровительстве! — На губах у леди Форестер появилась игривая улыбка. — Вам не кажется, что у него есть художествен-

ные или литературные интересы, которые требуют поддержки?

— Вряд ли, — со смехом ответила Джиллиан.

— Жаль, — со вздохом заключила леди Форестер.

Эта леди, всего лишь годом старше Джиллиан, вообразила себя покровительницей искусств и оказывала материальную поддержку нескольким пробивающим себе дорогу художникам и писателям, а те, как утверждали любители посплетничать, возвращали ей долг иной валютой — в области нежных чувств. Джиллиан в душе порадовалась, что Шелбрук не из тех, кто нуждается в чем-то подобном.

Внезапно она перехватила взгляд Шелбрука, обращенный к ней с противоположного конца комнаты; граф слегка приподнял свой бокал, словно давая знать, что ему понятно направление ее мыслей. Яркий румянец зажегся на щеках Джиллиан; она вежливо кивнула и отвела глаза.

Леди Форестер внимательно на нее посмотрела.

— Вы чересчур долго вдовееете, дорогая. На основании своего опыта могу вас заверить, что мужчинам, которые неохотно распространяются о себе, на самом деле есть что скрывать. Тайны, если хотите. Чаще всего в этих тайнах ничего особенного нет, они имеют значение только для самих мужчин. Однако секреты всегда нежелательны, а также, — леди Форестер лукаво улыбнулась, — оказывают на непосвященных интригующее действие.

— У всех нас есть свои секреты, леди Форестер. Сомневаюсь, чтобы тайны графа Шелбрука были более интригующи, чем, скажем, мои.

Джиллиан, с улыбкой извинившись перед собеседницей, быстро пересекла комнату и, выйдя в холл, на-

правилась по коридору к лестнице для прислуги, возле которой находились две одинаковые двери. Правая из них предназначалась для поставщиков. Джиллиан отворила левую и оказалась на крохотной террасе, окруженной маленьким, но прекрасно ухоженным садиком, — в милом уединенном уголке, защищенном от посторонних глаз высокой кирпичной стеной.

Вечерний воздух овеял Джиллиан прохладой. Она прислонилась спиной к дверному косяку и, закрыв глаза, запрокинула голову, подставив лицо свежему ветеру, и долго стояла, радуясь приятным ощущениям и стараясь не думать о том, отчего оно пылало.

Господи, она столько лет не краснела! Само собой разумеется, причина этого пожара заключается в самих обстоятельствах, а вовсе не в мужчине, с ними связанном. И все же он так необычно смотрел на нее... Она не могла понять, взволновало ее это или испугало. Пожалуй, и то и другое.

— В комнатах невероятно жарко.

У Джиллиан перехватило дыхание, и она открыла глаза.

Шелбрук, скрестив руки на груди, стоял рядом с ней, прислонившись к противоположному косяку двери.

— Я тоже почувствовал необходимость подышать свежим воздухом.

— Вот как? — бросила Джиллиан.

Он поднял брови.

— Если вы предпочитаете побыть одна...

— Нет. — Голос Джиллиан смягчился. — Вовсе нет. Пожалуйста, извините меня. Я была невыносимо груба. Обычно я не говорю со своими гостями так резко. Тем

более с теми, кто впервые попадает в мой дом. — Она улыбнулась. — Хотелось бы верить, что вы находите сегодняшний вечер приятным.

— То, что я увидел, вполне подтверждает то, что мне говорили, а вы, бесспорно, заслуживаете репутации прекрасной хозяйки салона.

— Благодарю вас. — Джиллиан небрежно махнула рукой. — Я люблю, когда гости ведут более или менее содержательные разговоры, а не занимаются сплетнями, как это чаще всего бывает на светских приемах.

— Почему?

— Как я уже сказала, я люблю... — Она запнулась. Пожалуй, уже можно быть с ним откровенной. Откровенность так же важна для нормальных взаимоотношений, как и уважение. Джиллиан немного помедлила. — Я вижу огромное количество потерь в обществе, в котором мы живем. Ценности исчезают не только из-за войны, но и из-за праздности. Умы растрачиваются в разговорах о покрое чьего-то пальто, как будто от этого зависят судьбы мира.

— В самом деле? Однако я не припомню почти ни одного бала или приема, на котором бы не видел вас.

— Вы наблюдательны. — Джиллиан рассмеялась. — Но там я всего лишь гостя. Я не вижу ничего дурного в веселых развлечениях, однако не хочу посвящать им всю жизнь, вот и приглашаю на свои вечера художников и критиков, писателей и ученых, поэтов и политиков. Мужчин, которые думают не только о том, как трудно хорошо завязать галстук.

— А каких вы приглашаете женщин?

Нет ли в его голосе насмешки? Или ей просто показалось?

— Не менее умных, чем мужчины, и способных к пронизательным суждениям, облеченным в свободную форму. — Она сдвинула брови. — Это для вас неприемлемо?

— Не вполне. Умные женщины, желающие обо всем судить по-своему, — давнее проклятие моей жизни, — сухо ответил Шелбрук.

Он имеет в виду своих сестер? Если у нее верные сведения, их у него четыре. Или в его жизни есть еще какая-то женщина?

Воцарилось молчание. Джиллиан не приходило в голову ничего такого, что не прозвучало бы банально или глупо. А она ни в малейшей степени не желала бы показаться Шелбруку глупой — слишком много было поставлено на карту.

Свет, падающий из коридора, освещал лишь половину лица Шелбрука, подчеркивая линии его профиля — строгого и немного сурового. И угрожающего? Теперь он смотрел на Джиллиан пристально и неотрывно, и взгляд его, пожалуй, был оценивающим.

— Зачем вы пригласили меня к себе? — вдруг спросил он.

— Зачем? — повторила Джиллиан, потому что вопрос застал ее врасплох. — Вы задаете слишком много вопросов, милорд, — произнесла она с некоторой долей кокетства.

— Только тогда, когда не знаю ответов.

Напряженность интонации подчеркнула смысл слов. Джиллиан мгновенно ощутила, что их разделяет очень малое расстояние и что они здесь совершенно одни. Чувствует ли это и Шелбрук?

— Леди Джиллиан?

Она глубоко-глубоко вздохнула.

— У меня есть для вас деловое предложение.

— Деловое предложение? — протянул он. — По поводу картины?

— Картины? Почему вы так подумали?

Шелбрук пожал плечами:

— Да так, просто пришло в голову. Видимо, в результате спора нынче вечером, не более того. Продолжайте, пожалуйста.

— Мое предложение носит личный характер.

— Вот как? — Шелбрук выпрямился, и это движение приблизило его к Джиллиан на расстояние всего в несколько дюймов. У нее гулко забилося сердце. Голос у него был тихий, а интонация — полной значения, о котором Джиллиан не смела гадать. — Должен признаться, я заинтригован. И насколько личный?

— Исключительно личный. — Внезапное желание увеличить расстояние между ними охватило Джиллиан, и она отступила через порог в коридор. — Но сейчас мы не можем это обсуждать — я слишком надолго оставила без внимания своих гостей. Не будете ли вы так добры задержаться до тех пор, пока все не разъедутся?

— Если вы хотите. — Ответ прозвучал вполне равнодушно. — Хорошо, я останусь.

Джиллиан кивнула, повернулась и быстро пошла по коридору, чувствуя, что Шелбрук провожает ее взглядом. Наблюдает за ней. Вдумчиво и с любопытством. Однако с такого расстояния он не может видеть, что руки у нее дрожат, а лицо снова пылает. Предвкушение встречи смешивалось у Джиллиан со страхом. Ей вдруг захотелось избежать этого разговора, и вместе